

Научная статья
УДК 94(47).081«187»
DOI 10.37724/RSU.2023.79.2.003

Балканский кризис и эволюция революционно-демократического движения в России в 1870-х годах

Игорь Николаевич Гребенкин¹
Александр Сергеевич Романика²

^{1,2} Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

¹ grin17.66@mail.ru

² a.romanica@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье исследуются роль и значение событий Балканского кризиса 1870-х годов в общественной жизни и политических процессах России. Представлен краткий обзор опыта изучения проблемы отечественной историографией. Установлены источники и характер общественных настроений в России в отношении положения славянских народов в Османской империи. Изложены взгляды идеологов русского социализма на международное значение революционного движения в России. Отмечается взаимное влияние борьбы славянских народов Балкан против турецкого господства и российского освободительного движения в пореформенный период. Рассмотрены примеры участия российских революционеров-демократов в событиях Балканского кризиса на его различных этапах. Даны выводы, раскрывающие значение освободительного процесса на Балканах для развития идеологии и методов революционного движения в России.

Ключевые слова: Балканский кризис, Русско-турецкая война, общественный подъем, освободительное движение, революционное народничество.

Для цитирования: Гребенкин И. Н., Романика А. С. Балканский кризис и эволюция революционно-демократического движения в России в 1870-х годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 25–33. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.003).

Original article

The Balkan crisis and evolution of Russian revolutionary democratic movement in the 1870s

Igor Nikolayevich Grebenkin¹
Aleksandr Sergeyeovich Romanika²

^{1,2} Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

¹ grin17.66@mail.ru

² a.romanica@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article examines the role and significance of the events of the Balkan Crisis of the 1870s in the public life and political processes in Russia. It contains a brief review of studies devoted to the problem in Russian historiography. We look into the origins and nature of public sentiments in Russia regarding the position of the Slavic peoples in the Ottoman Empire and define the views of Russian socialists on the international significance of the revolutionary movement in Russia. We observe mutual influence of the struggle of the Balkan Slavic peoples against Turkish domination and the Russian liberation movement in the post-reform period. Some Russian revolutionary democrats participated in the events of the Balkan Crisis at its various stages. The conclusions reveal the significance of the national liberation process in the Balkans for the development of the ideology and methods of the revolutionary movement in Russia.

Keywords: Balkan (Great Eastern) crisis, Russo-Turkish war, social upheaval, national liberation movement, revolutionary Narodnik movement.

For citation: Grebenkin I. N., Romanika A. S. The Balkan crisis and evolution of Russian revolutionary democratic movement in the 1870s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):25–33. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.003).

Борьба славянских народов Балкан против османского гнета в течение всего XIX века привлекала внимание российского общества и пользовалась его сочувствием. Связь антитурецкого сопротивления славян с российским революционно-демократическим движением была отмечена отечественной исторической наукой. Еще на раннем этапе изучения проблемы ее рассматривал один из первых исследователей народничества В. Я. Богучарский [Богучарский, 1911, 1912]. В дальнейшем историки неоднократно подчеркивали взаимное влияние этих явлений, указывая, что события на Балканах послужили фактором активизации российского революционного движения [Волк, 1966 ; Орлик, 1978 ; Хевролина, 1978 ; Гребенкин, Романика, 2021]. Наиболее фундаментальное исследование проблема получила в монографии В. Я. Гросула, в которой развитие идеологии и практики революционеров 1870–1880-х годов представлено в тесной взаимосвязи с различными аспектами балканского вопроса [Гросул, 1980].

Симпатии и прямое участие российской общественности в судьбах славянства переживали заметный подъем во второй половине XIX века, когда либеральные реформы и общественные ожидания социально-политических преобразований в России оказались особенно созвучны освободительному движению братских народов. Вероятно, наиболее показательным примером подобных настроений может считаться сюжет романа И. С. Тургенева «Накануне», увидевшего свет в начале 1860 года. История дворянской девушки, которая предпочла женихам своего круга болгарского студента и отправилась с ним, чтобы принять участие в борьбе за свободу его родины, немедленно вызвала отклик демократической критики. Балканский мотив романа как особенно значимый подметил Н. А. Добролюбов. Главная героиня Елена Стахова являлась, по его мнению, олицетворением грядущей новой России, смысл которого — в жертвенном служении общественным идеалам. Это стремление пробудил ее избранник, молодой болгарин Дмитрий Инсаров, чья жизнь принадлежит делу освобождения своего народа, — нравственный тип, который не может возникнуть и реализовать себя в условиях крепостнической России [Добролюбов, 1970, с. 189–230]. И хотя Тургенев не соглашался с такой трактовкой своего произведения, его образы довольно ясно указали современникам на то, как можно послужить обновлению Отечества.

Идея служения народному благу стала ведущей для лучших представителей молодого поколения пореформенной эпохи. Сложившееся на рубеже 1860–1870-х годов движение революционных народников обращало взоры к наиболее ярким примерам освободительной борьбы в Европе и мире. Представители демократической молодежи приняли участие в испанской революции, движении гарибальдийцев в Италии, войне Севера и Юга в США, событиях Парижской коммуны. Однако несравнимым по масштабам стало их присутствие в рядах повстанцев Балкан, борющихся против турок. Ведущим побудительным мотивом такого участия был пафос справедливой борьбы за интересы простого народа против угнетателей. Если российским обществом Османская империя традиционно воспринималась как враг России и славянства — «турок внешний», в левых и радикальных кругах укоренился образ-аналогия «турка внутреннего» (не менее враждебной силы) — российского самодержавия с его консервативным чиновничеством и полицейским аппаратом. В связи с этим своеобразием отличались взгляды ведущих идеологов русского социализма на интернациональный характер и значение освободительного движения в России. Принципиально отделяя его цели от внешней политики царизма, А. И. Герцен и М. А. Бакунин утверждали, что царское правительство не может принести народам Балкан избавления от османской тирании [Бакунин, 1862 ; Герцен, 1957, с. 333]. Главным условием свободы славян мыслители видели освобождение российского народа, на котором русским революционерам предстояло сосредоточить все силы. По этой причине Н. П. Огарев высказывался против их участия в повстанческой борьбе на Балканах [Огарев, 1955, с. 539], а Н. Г. Чернышевский не приветствовал желание своих сыновей отправиться в армию добровольцами с началом войны с Турцией в 1877 году [Чернышевский, 1955, с. 96–97].

К середине 1870-х годов сложились устойчивые контакты российской общественности с представителями освободительного движения балканских народов. В России землячества сербских и болгарских студентов поддерживали связи в кругах российской демократической молодежи. Труды теоретиков народничества и левых публицистов были известны и хорошо приняты на Балканах. Непосредственное влияние на международную активность народников оказывали

обстоятельства их деятельности в России. В 1875 году массовое хождение в народ переживало спад в результате преследований со стороны властей, что привело к оттоку революционной молодежи за рубеж и формированию новых центров русской политической эмиграции. Один из них, на юго-востоке Европы, возник в Румынии.

Вспыхнувшее весной 1875 года восстание славян в Боснии и Герцеговине не оставило безучастными революционеров как в эмиграции, так и на родине. Многие видные деятели революционной эмиграции и подполья не поддерживали желание своих товарищей присоединиться к борьбе славян, указывая на ограниченность сил и крайнюю нехватку людей в России [Аксельрод, 1923, с. 151 ; Лавров — годы эмиграции ... , 1974, с. 308]. Между тем в первых рядах добровольцев уже летом 1875 года в Герцеговину отправились революционеры-народники и молодежь передовых взглядов. В отрядах повстанцев сражались С. М. Кравчинский, И. К. Дебогорий-Мокриевич, Н. К. Судзиловский, А. К. Левашев, М. П. Сажин и др. — всего 50–60 человек [Гросул, 1980, с. 79]; в 1877 году в Герцеговине побывал будущий член исполкома «Народной воли» А. И. Баранников. Большинство из них, принимая решение непосредственно участвовать в восстании, придавали ему «воспитательное» значение, так как видели возможность получить практику вооруженной партизанской борьбы. Настроения и интересы добровольцев отразил в воспоминаниях М. П. Сажин: «В то время я очень интересовался всем, что касается партизанской войны: усердно штудировал книгу нашего партизана двенадцатого года Дениса Давыдова, мемуары итальянского бандита Гаспарони, много лет воевавшего с жандармами и солдатами в Абруцах» [Сажин, 1925, с. 99].

Атмосфера народного восстания, бесспорно, более всего привлекала бунтарей-бакунистов, которые преобладали среди добровольцев-народников. Однако в их рядах присутствовали и люди более широких взглядов, считавшие, что активная освободительная борьба создает выгодные условия для социалистической пропаганды. Если первые воспринимали партизанскую войну против турок как прообраз народного бунта за социальное освобождение, то вторые видели в своей миссии продолжение хождения в народ, которое пока не имело успеха в России. Тех и других объединяло стремление к общему социальному идеалу и неприятие «политики», понимаемой как борьба за власть. Реальность, с которой они соприкоснулись на Балканах, принесла молодым революционерам не только новый опыт, но и новые разочарования. Об этом сообщал С. М. Кравчинский в письме П. Л. Лаврову: «Социализма тут нет и тени... Борьба чисто политическая — освобождение от турок... Никакой социализм немыслим в славянских землях до освобождения от турок» [Освобождение Болгарии от турецкого ига ... , 1961, с. 93–94]. Тем не менее участие в Герцеговинском восстании преподнесло добровольцам из России ряд важных уроков: показало значение военных знаний и хорошей физической подготовки, способствовало установлению контактов с местной радикальной молодежью и социалистами. Наконец, опыт, полученный на Балканах, побуждал российских революционеров к немедленному действию. В начале 1876 года в Женеве состоялось совещание революционеров, большинство из которых только что возвратились из Герцеговины. Под влиянием сведений, приходивших из России, возникло решение о подготовке восстания. Для этого на Урале, где обстановка представлялась наиболее подходящей, предполагалось создать несколько народнических поселений-резидентур. Они должны были поднять выступления, используя недовольство местных горнозаводских рабочих, крестьян, раскольников. Однако в реальности план не удалось осуществить [Милевский, Панченко, 2017, с. 134–137].

Следующим актом Балканского кризиса, послужившим сближению российского революционного движения с национально-освободительной борьбой славян, стала Сербско-черногорско-турецкая война 1876 года, в которой приняли участие около 5 тыс. российских добровольцев. Поскольку их вербовка и отправка на Балканы велась с одобрения властей, доля лиц с революционным прошлым в их рядах была существенно ниже, чем годом раньше в Герцеговине. Изучая поименные списки добровольцев, исследователи выявили более 100 представителей революционной молодежи [Гросул, 1980, с. 134]. Среди них заметное место занимали лица с военной подготовкой — примыкавшие к народническому движению бывшие офицеры и юнкера В. В. Луцкий, Н. А. Грибоедов, А. А. Лобов, А. Н. Фалецкий, Н. А. и В. А. Шлейснеры и др. Об этом вспоминал видный член военно-революционной организации «Народной воли» Э. А. Серебряков: «Насколько тогда было приподнято патриотическое настроение, можно видеть из того, что некоторые, почти революционно настроенные офицеры ушли добровольцами в Сербию» [Серебряков, 1907, с. 98].

Рассчитывая влиться в ряды армии и добровольческих отрядов, в Сербию и Черногорию прибыли некоторые известные деятели революционного движения — прогрессивные литераторы и публицисты Д. А. Клеменц, Г. И. Успенский, А. Г. Ерошенко, Д. А. Гольдштейн. Несмотря на то,

что далеко не всем добровольцам-народникам и представителям передовой молодежи удалось непосредственно сражаться с турками, для многих из них поездка на театр войны помогла расширить социальный, политический, профессиональный опыт. События на Балканах и вклад в них русских волонтеров послужили усилению общественной активности на родине. Под предлогом панихиды по павшим в Сербии добровольцам 6 декабря 1876 года в центре Петербурга, на Невском проспекте у Казанского собора, собралось значительное число революционно настроенной молодежи и рабочих. Так состоялось этапное событие политической жизни России — Казанская демонстрация, на которой, наряду с главным лозунгом российского народничества («Земля и Воля»), звучали призывы к солидарности с борющимся славянством [Гросул, 1980, с. 152].

Начало военной кампании против Турции весной 1877 года предопределялось не только интересами государства на международной арене, но и активной поддержкой среди российского населения. Вероятно, впервые в истории империи в качестве одного из ресурсов своей внешней политики власти стали видеть общественное одобрение, которое по-своему разделяли как радикалы, так и представители самых различных кругов и направлений [Григорова, 2009, с. 43–45]. Не была исключением армия, организованная на новых принципах, заложенных реформой. Военный министр Д. А. Милютин в дневнике отмечал наблюдаемое во время смотров «возбужденное состояние духа во всех войсках», в котором «не было ничего искусственного, поддельного» [Милютин, 1949, с. 155].

Живой отклик события вызвали среди сторонников оппозиции. По имеющимся подсчетам, в войне 1877–1878-го года участвовало более 200 активных революционеров, а также молодых людей, присоединившихся к движению во время и сразу после войны [Гросул, 1980, с. 190]. В отличие от Герцеговинского восстания и Сербско-турецкой войны среди них были не только добровольцы, но и служившие в армии по призыву. Вновь поступали на службу офицеры, ранее оставившие армию по политическим мотивам. Отставной поручик В. А. Обручев, который в начале 1860-х годов был осужден за политическую пропаганду и более десяти лет провел в заключении и сибирской ссылке, возвратился на службу и был восстановлен в чине. Он вспоминал: «В первый раз после 1861 года... у множества людей явились общие гражданские мысли и решимость действовать по этим мыслям» [Обручев, 1908, с. 519]. Интересно, что участие в войне примирило В. А. Обручева с властями, он продолжил военную карьеру и завершил ее в генеральском чине.

Однако та поддержка, которую война за свободу братьев-славян получила в самых широких слоях общества, имела далеко не единую природу. В демократических кругах одобрение освободительного похода русской армии на Балканы никак не было связано с верноподданническими настроениями. Характеризуя облик молодых людей, отправлявшихся добровольцами в балканские страны и на театр военных действий, Е. И. Утин писал, что они работали «с уверенностью, с убеждением, что независимость и свобода славян сделаются уделом всего славянского племени... Их воззрения, не сходные с воззрением “охранителей” на московский лад, нисколько не мешали им с горячей любовью и самоотвержением работать на благо России, стараясь, не жалея своих сил, облегчить страдания русского народа» [Утин, 1879, с. 331]. Передовая молодежь видела в победах над «внешним турком» залог грядущих побед над «турком внутренним». Образ борьбы за освобождение славянства порождал ожидания внутренних перемен. Вместе с тем опытные революционеры не могли допустить даже ситуативной поддержки политики царизма. Для организованного революционного движения военные события стали поводом к кампании разоблачения самодержавия.

С началом военных действий российская армия вступила на территорию Румынии, являвшейся в 1870-х годах одним из центров политической эмиграции в Юго-Восточной Европе. В связи с этим народники вынашивали идею издания в Румынии новой революционной газеты и по существу планировали организацию центра пропаганды в Бухаресте, в непосредственной близости к штаб-квартире Дунайской армии [Гросул, 1980, с. 212]. Таким образом, впервые в истории революционного движения в качестве объекта его пропаганды рассматривалась действующая армия. Очевидцы отмечали, что в Румынии офицеры активно скупали эмигрантскую политическую литературу, при этом спрос на нее оказался настолько велик, что местным торговцам удавалось обманом продавать даже залежавшиеся и некачественные издания [Серебряков, 1907, с. 99].

Если в войне против Турции реформированная российская армия доказала свою боеспособность, то государству не удалось изжить пороки, которые были памятны со времен Крымской кампании. Участник борьбы в Сербии К. И. Воронич описывал лишения, которые испытывали русские добровольцы, и пренебрежительное отношение к ним со стороны властей — преступное, по его выражению, так как «русский народ впервые выступил самостоятельно и сознательно отстаивать высшие человеческие интересы — права своих братьев» [Воронич, 1878, с. 107–109]. Врач С. П. Боткин, видевший самые отвратительные стороны войны, писал о ситуации к концу 1877 года: «Осенняя

кампания будет тяжелым испытанием сил нашего народа. Невылазная грязь, плохая еда, скверное помещение» [Боткин, 1893, с. 161]. Полковник М. А. Газенкамф отмечал в дневнике разочарование военных своей миссией, так как в Болгарии «не оказалось пресловутого разорения, а, напротив, такое благосостояние, до которого русским крестьянам как до звезды небесной далеко» [Газенкамф, 1908, с. 61].

Однако солдатская масса, в силу своего образовательного и культурного уровня, еще не была готова к пониманию социальных проблем и поэтому не могла стать полем политической пропаганды. Военные тяготы воспринимались ею как неотъемлемая черта службы, а не пороки общественных отношений и государственного строя. Начиная в те годы свою офицерскую карьеру А. А. Брусилов, касаясь облика солдат, вспоминал: «Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело царю — решать, а наше — лишь исполнять» [Брусилов, 2001, с. 19]. Эти обстоятельства давали лидерам народничества новые основания, чтобы с симпатией и надеждой обращать взоры к интеллектуально более развитой группе — офицерству. В письме к Г. А. Лопатину П. Л. Лавров, сообщая о бремени, выпавшем на долю простых солдат, и их недовольстве, указывал: «И это возмущение вызвало не наказание, а убеждения, ласковость, просьбы со стороны офицеров» [Лавров — годы эмиграции ... , 1974, с. 412]. В. Н. Фигнер утверждала, что «война выявила во всей наготе безобразия русских порядков: бессовестное хищение и казнокрадство, отсутствие какого бы то ни было попечения о солдате, оборванном, голодающем, лишенном медицинской помощи. Офицерство не могло не задумываться над причинами всех этих злоупотреблений и не искать средств для искоренения их» [Фигнер, 1964, с. 233]. Как отмечал Э. А. Серебряков, война «раскрыла глаза на печальную картину русских порядков. Особенно сильно сказалось это на офицерах, бывших свидетелями того, как несчастные солдаты, выносившие на своих плечах всю тяжесть войны, питались гнилым хлебом с изюмом, ходили без подошвы, оставались без медицинской помощи». Причина подобного — казнокрадство, которое «достигло размеров открытого дневного грабежа» [Серебряков, 1907, с. 98].

Военные победы России не стали победами ее внешней политики. Дипломатический провал на Берлинском конгрессе давал новые основания для критики политической неспособности царизма. Итоги войны не оправдали общественных ожиданий. Однако разочарование не вызвало всеобщей апатии, а стало причиной нового подъема радикальных настроений. Либералы-земцы были возмущены принятием конституции Болгарского княжества при отсутствии политической реформы в России и впервые заявили о себе как оппозиционная сила, образовав нелегальный «Земский союз». По мнению революционеров-народников, война вновь показала глубокий, всесторонний кризис императорской власти. В апрельской прокламации «Земли и воли» 1878 года указывалась непомерная цена войны: «...русское общество давало обманывать себя перспективой освобождения болгар, когда собственный народ голодал...» [Революционное народничество... , 1965, с. 54]. Авторы воззвания утверждали, что народ все яснее осознает настоящее положение дел и готов подняться за свое освобождение. Участник войны, штабс-капитан Н. Д. Похитонов, впоследствии ставший народовольцем, заявлял на суде: «Мы думали, что вместо того, чтобы освободить чужую страну, надо думать об освобождении России» [цит. по: Фигнер, 1964, с. 233]. Революционер О. В. Аптекман вспоминал, что «окончившаяся бесславно “освободительная война” за братьев-славян, полное дипломатическое поражение нашей официальной “великой державы”, крайнее хозяйственное истощение страны, как финал этой войны... вот что предстало во всей наготе пред глазами общества» [Аптекман, 1924, с. 285].

С начала 70-х годов XIX века освободительное движение в России прошло ряд этапов, предопределивших его радикализацию. Кампания политического просвещения и агитации, известная как хождение в народ, вызвала определенное разочарование в возможностях и результативности агитации в крестьянской среде, которое коснулось как сторонников мирной пропаганды, так и бунтарей-бакунистов. Это привело к поиску новых видов активности. В условиях жестокого полицейского преследования среди них все более заметное место занимали меры активного противодействия властям. Логика и характер борьбы обусловили эволюцию движения в направлении новых организационных форм и заставили революционеров обратиться к созданию тайного общества «Земля и воля», построенного на принципах внутренней иерархии, дисциплины и конспирации. На этом фоне особую ценность приобретал политический и военный опыт, полученный наиболее решительными участниками движения в горячей точке Европы, которой, без сомнения, являлись Балканы. Присутствие в рядах народников недавних добровольцев послужило отбору революционных кадров и стало своего рода катализатором развития революционного процесса в России. Его важнейшими вехами в 1879 году были раскол «Земли и воли» и выделение ее радикального крыла — партии «Народная воля». Ее лидеры впервые заявили о политическом характере борьбы революционных народников и стремлении следовать к революционному

результату через политический переворот, который могли обеспечить любые средства, дестабилизирующие власть.

Кульминация народнического этапа революционного движения на рубеже 70–80-х годов XIX века была отмечена прямой конфронтацией с государством, выразившейся в громких актах политического террора. Один из них — дерзкое убийство главы Третьего отделения императорской канцелярии и шефа корпуса жандармов генерала Н. В. Мезенцова 4 августа 1878 года, которое совершили С. М. Кравчинский и А. И. Баранников — участники восстания в Герцеговине.

Другим новшеством в практике народников того периода следует признать создание в структуре «Народной воли» глубоко законспирированной военно-революционной организации — крупнейшего тайного объединения в армии со времен декабристов. Ее программа допускала самостоятельную и даже ведущую роль военных в политическом перевороте: «...исключительно военное восстание, с целью захвата верховной власти, для устройства народного представительства» [Революционное народничество ... , 1965, с. 196]. Разделение военной и гражданской ветвей партии было вызвано еще и соображениями, связанными с интересами ее внутренней безопасности. В случае крупных провалов в одной из ветвей оставалась возможность сохранения другого боеспособного крыла организации. На начало 1881 года партия объединяла 7 военных кружков, а к середине 1882 года — 50 общей численностью до 400 офицеров [Годунова, 1973, с. 123]. В числе ее видных деятелей были и участники недавней войны с Турцией Н. Д. Похитонов и А. П. Тиханович. Военно-революционная организация «Народной воли», преодолев аресты и гибель руководителей партии в 1881 году, в известном смысле оправдала ожидания ее создателей, но была разгромлена спустя два года в результате предательства [Гребенкин, Романика, 2021, с. 174–181].

Подъем революционно-демократического движения в России и кризис на Балканах в 1870-х годах по существу лишь ситуативно совпали в историческом пространстве и почти одновременно, исчерпав себя, пришли к закату. События Балканского кризиса завершились образованием молодых суверенных государств, и судьба региона определялась теперь не массовыми народно-освободительными движениями, а логикой межгосударственных отношений. Народнический радикализм в России, достигший пика в начале 1880-х годов, уступал место новым тенденциям в общественной жизни и идейных исканиях современников. Однако связь и взаимное влияние этих процессов нельзя признать случайными. Революционеры-демократы в силу своих идеологических и нравственных установок стали передовым отрядом российской общественности, который не только заявил о своей солидарности с угнетенным славянством, но и на деле присоединился к его вооруженной борьбе за освобождение. Ее участники и очевидцы возвратились в Россию зрелыми борцами, и, хотя их доля в рядах народников была невелика, но пример заметен и притягателен. Опыт и взгляды этой части русских революционеров оказались особенно созвучными тем крайним формам, которые движение приняло в своей высшей точке.

В течение почти полутора столетий, минувших с того времени, Балканы оставались беспокойным регионом, неслучайно снискавшим репутацию «порохового погреба Европы». Россия, а затем СССР как мощная мировая держава, не раз демонстрировали свою значимость для судеб балканских стран, однако дела славянских народов долго не оказывали серьезного влияния на настроения российской общественности. Вновь проблемы Балкан напомнили России о себе в 1990-х годах, когда изменения в расстановке сил в мире трагически отразились на ситуации в регионе. Череда кровавых конфликтов, охвативших территорию бывшей Югославии, при непосредственном вмешательстве в них Запада стала поводом для социально-политического самоопределения части российского общества. В ситуации, когда государство было не в состоянии оказать реальную помощь Югославии, наиболее энергичные, пассионарные соотечественники, как и 150 лет назад, предпочли новой буржуазной действительности постсоветской России участие в вооруженной борьбе за честь и достоинство братьев-сербов. Сотни российских добровольцев вновь сражались в рядах воинских формирований Союзной Республики Югославии, Республики Сербской и Сербской Краины. Одни понимали свой поступок как дань традиции солидарности православных славянских народов, другие видели в нем вклад в экзистенциальное противостояние России империалистической экспансии Запада. Значение их выбора в 1990-х годах не было вполне оценено ни государством, ни обществом. Переосмыслить его нам предлагают общественно-политические события современности, поскольку деяния активного меньшинства и даже отдельных ярких личностей не раз определяли квинтэссенцию исторического процесса.

Список источников

1. Аксельрод П. А. Пережитое и передуманное. Книга первая. — Берлин, 1923. — 444 с.
2. Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. — Петроград : Колос, 1924. — 460 с.
3. Бакунин М. А. Несколько слов южным славянам // Колокол. — 1862. — № 128, 8 апр.
4. Богучарский В. Я. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. — 1911. — № 3. — С. 134–197.
5. Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. — М. : Изд-во Сабашниковых, 1912. — 384 с.
6. Боткин С. П. Письма из Болгарии. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1893. — 376 с.
7. Брусилов А. А. Мои воспоминания. — М. : РОССПЭН, 2001. — 464 с.
8. Волк С. С. Народная воля 1879–1882. — М. ; Л. : Наука, 1966. — 487 с.
9. Воронич К. И. Изнанка сербской войны. — СПб. : Тип. и лит. Д. И. Шеметкина, 1878. — Ч. 3. — 423 с.
10. Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878. — СПб. : В. Березовский, 1908. — 624 с.
11. Герцен А. И. Сербы и черногорцы // Собрание сочинений : в 30 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — Т. XIV. — С. 333.
12. Годунова Л. Н. Военная организация партии «Народная воля» // Вопросы истории. — 1973. — № 9. — С. 120–128.
13. Гребенкин И. Н., Романика А. С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. — М. : АИРО-XXI, 2021. — 288 с.
14. Григорова Д. Г. «Дело славян нам дорого»: русские либералы и консерваторы о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов // Родина. — 2009. — № 6. — С. 43–45.
15. Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883 гг.). — М. : Наука, 1980. — 336 с.
16. Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. — М. : Наука, 1970. — С. 189–230.
17. Лавров — годы эмиграции. Письма и документы : в 2 т. — Dordrecht ; Boston, 1974. — Т. 1. — 603 с.
18. Милевский О. А., Панченко А. Б. «Безопасный Клеменц». Опыт интеллектуальной биографии. — М. : Полит. энцикл., 2017. — 695 с.
19. Милютин Д. А. Дневник. — М. : Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1949. — Т. 2. — 291 с.
20. Обручев В. А. После ссылки // Вестник Европы. — 1908. — Т. 5, кн. 9–10. — С. 504–542.
21. Огарев Н. П. Ответ на «ответ “Великорусу”» // Избранные социальные-политические и философские произведения. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. — Т. I. — С. 539.
22. Орлик О. В. Представители прогрессивной интеллигенции России — участники Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Вопросы истории. — 1978. — № 4. — С. 79–95.
23. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы : в 3 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1. — 716 с.
24. Революционное народничество 70-х годов XIX века. — М. ; Л. : Наука, 1965. — Т. 2. — С. 54.
25. Сажин М. П. Воспоминания 1860–1880-х гг. — М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1925. — 144 с.
26. Серебряков Э. А. Революционеры во флоте // Былое. — 1907. — № 4. — С. 96–140.
27. Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 г. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1879. — 472 с.
28. Фигнер В. А. Запечатленный труд. — М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1964. — 395 с.
29. Хевролина В. М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. — 1978. — № 9. — С. 21–33.
30. Чернышевский Н. Г. Письма к А. Н. и М. Н. Чернышевским // Полное собрание сочинений : в 15 т. — М. : Гос. изд. худ. лит., 1950. — Т. XV. — С. 96–97.

References

1. Axelrod P. A. *Perezhitoye i peredumannoye. Kniga pervaya* [Experiences and Thoughts. Book One]. Berlin, 1923, 444 p. (In Russian).
2. Artekman O. V. *Obshchestvo “Zemlya i volya” 70-kh godov* [“Land and Freedom” Society in the 70s]. Petrograd, Kolos, 1924, 460 p. (In Russian).
3. Bakunin M. A. A Few Words to Southern Slavs. *Kolokol* [The Bell]. 1862, iss. 128, Apr. 8. (In Russian).
4. Bogucharsky V. Ya. Russian Liberation Movement and the War for Liberation of Bulgaria. *Sovremennik* [Contemporary]. 1911, iss. 3, pp. 134–197. (In Russian).
5. Bogucharsky V. Ya. *Aktivnoye narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Narodniki Movement in the 1870s]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1912, 384 p. (In Russian).
6. Botkin S. P. *Pisma iz Bolgarii* [Letters from Bulgaria]. St. Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1893, 376 p. (In Russian).
7. Brusilov A. A. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 464 p. (In Russian).

8. Volk S. S. *Narodnaya Volya 1879–1882* [The People's Will 1879–1882]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 487 p. (In Russian).
9. Voronich K. I. *Iznanka serbskoy voyny* [Inside of the Serbian war]. St. Petersburg, D. I. Shemetkin Publ., 1878, Part 3, 423 p. (In Russian).
10. Gazenkampf M. A. *Moy dnevnik 1877–1878* [My diary 1877–1878]. St. Petersburg, V. Berezovsky, 1908, 624 p. (In Russian).
11. Herzen A. I. Serbs and Montenegrins. *Sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1957, vol. XIV, 333 p. (In Russian).
12. Godunova L. N. The military organization of the “People’s Will” party. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 1973, iss. 9, pp. 120–128. (In Russian).
13. Grebenkin I. N., Romanika A. S. *Revolyutsionnaya Rossiya i voyennyy vopros: ot Sevastopolya do Tsusimy* [Revolutionary Russia and the military question: from Sevastopol to Tsushima]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2021, 288 p. (In Russian).
14. Grigorova D. G. “The cause of the Slavs is dear to us”: Russian liberals and conservatives about the Russo-Turkish war of 1877–1878. *Rodina* [Motherland]. 2009, no. 6, pp. 43–45. (In Russian).
15. Grosul V. Ya. *Revolyutsionnaya Rossiya i Balkany (1874–1883 gg.)* [Revolutionary Russia and the Balkans (1874–1883)]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 336 p. (In Russian).
16. Dobrolyubov N. A. When will the true day come? *Russkiye klassiki. Izbrannyye literaturno-kriticheskiye statyi* [Russian classics. Selected literary-critical articles]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 189–230. (In Russian).
17. Lavrov — *gody emigratsii. Pisma i dokumenty: v 2 t.* [Lavrov – emigration years. Letters and Documents: in 2 vols.]. Dordrecht, Boston, 1974, vol. 1, 603 p. (In Russian).
18. Milevsky O. A., Panchenko A. B. “*Bespokoynyy Klements*”. *Opyt intellektualnoy biografii* [“Restless Klementz”. Experience of intellectual biography]. Moscow, Polit. Encycl. Publ., 2017, 695 p. (In Russian).
19. Milyutin D. A. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, V. I. Lenin State library of the USSR Publ., 1949, vol. 2, 291 p. (In Russian).
20. Obruchev V. A. After the Exile *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe]. 1908, vol. 5, b. 9–10, pp. 504–542. (In Russian).
21. Ogarev N. P. Response to the “Answer to “Velikorus””. *Izbrannyye sotsialnyye-politicheskiye i filosofskiyе proizvedeniya* [Selected social, political and philosophical works]. Moscow, State Publ. House of Polit. Lit., 1955, vol. I, p. 539. (In Russian).
22. Orlik O. V. Representatives of Progressive Intelligentsia of Russia – participants in the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Voprosy Istorii* [Issues of History]. 1978, iss. 4, pp. 79–95. (In Russian).
23. *Osvobozhdeniye Bolgarii ot turetskogo iga. Dokumenty: v 3 t.* [Liberation of Bulgaria from the Turkish yoke. Documents: in 3 vols.]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, vol. 1, 716 p. (In Russian).
24. *Revolyutsionnoye narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [Revolutionary Narodnik Movement in the 1870s]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, vol. 2, p. 54. (In Russian).
25. Sazhin M. P. *Vospominaniya 1860–1880-kh gg.* [Memoirs of the 1860s–1880s]. Moscow, All-Union. Publ. of Former Political Prisoners and Exiles, 1925, 144 p. (In Russian).
26. Serebryakov E. A. Revolutionaries in the Navy. *Byloye* [Past years]. 1907, iss. 4, pp. 96–140. (In Russian).
27. Utin E. *Pisma iz Bolgarii v 1877 g.* [Letters from Bulgaria in 1877]. St. Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1879, 472 p. (In Russian).
28. Figner V. A. *Zapechatlennyy trud* [Imprinted Labour]. Moscow, Social and Economic. Lit. Publ., 1964, 395 p. (In Russian).
29. Khevrolina V. M. Russo-Turkish War of 1877–1878 and Social Movement in Russia. *Voprosy Istorii* [Issues of History]. 1978, iss. 9, pp. 21–33. (In Russian).
30. Chernyshevsky N. G. Letters to A. N. and M. N. Chernyshevsky. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols.]. Moscow, State. Publ. of Belles-Lettres, 1950, vol. XV, pp. 96–97. (In Russian).

Информация об авторах

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: социально-политические процессы в России в эпоху модернизации, история общественной мысли и общественных движений России конца XIX — начала XX века, проблемы армии и общества в истории России, история русского зарубежья.

Романика Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: общественное движение в России второй половины XIX и начала XX веков, революционное движение, армия и революция, левый радикализм.

Information about the authors

Grebenkin Igor Nikolayevich — doctor of history, associate professor, senior researcher, Research and Educational Center for Historical, Humanitarian and Socio-Economic Research, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: socio-political processes in Russia in the era of modernization, history of social thought and social movements in Russia in late 19th — early 20th cc., problems of army and society in Russian history, history of Russian diaspora.

Romanika Aleksandr Sergeevich — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: social movement in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries, revolutionary movement, army and revolution, left-wing radicalism.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 02.10.2022; accepted for publication 20.03.2023.